реальностью, міръ добра. Въ этомъ мірѣ не царствуетъ время,—и какъ мы можемъ раскаиваться въ поступкѣ, который давнымъ давно забытъ всѣми, и слѣды котораго давно исчезли, такъ вообще новая духовная жизнь носитъ не относительный, а безусловный характеръ, не подчинена времени и не считается съ нимъ. Отрываясь отъ погруженія въ свою личность, мы такимъ образомъ открываемъ въ себѣ возможность новой жизни—служенія добру, и поскольку это служеніе опредѣляется не чувствами, а разумомъ, поскольку мы опредѣляемся въ своей нравственной дѣятельности не тѣмъ, что намъ дорого и пріятно, а чистой идеей добра, мы сознаемъ себя неподчиненными времени. Добро никогда не перестаетъ быть добромъ, оно не можетъ быть добромъ сегодня, а зломъ завтра—и въ этомъ смыслѣ оно стоитъ внѣ времени. Вотъ почему и та нравственная жизнь, въ которой мы подымаемся надъ нашей личностью, *связана съ особымъ переживаніемъ внѣвременности.* И не только *содержаніе* добра имѣетъ свою цѣнность независимо отъ времени, но и *наша дѣятельность,* посвященная осуществленію этого добра, пріобрѣтаетъ цѣнность, не подчиненную времени. Такимъ образомъ, среди потока переживаній наша нравственная жизнь, поскольку она опредѣляется чистой идеей добра, возвышается особымъ, присущимъ ей характеромъ внѣвременной цѣнности и этимъ отдѣляется отъ нихъ.

Новая жизнь, развивающаяся съ пробужденіемъ разумнаго сознанія, указаннымъ переживаніемъ безусловности, внѣвременности рѣзко отдѣляется отъ всего потока душевныхъ переживаній,—настолько рѣзко, что Толстой даже *отказывается выводить одну изъ другой.* Когда человѣкъ пробудится для разумной жизни, въ немъ какъ бы рождается новое существо съ своими особыми законами. Законы этой новой жизни, возникающей въ предѣлахъ личности, состоятъ въ томъ, что новая жизнь *не имѣетъ никакого отношенія ко времени* и ко всему тому, что связано съ временемъ, что она опредѣляется не тѣмъ, что несетъ радость одному или другому человѣку, а тѣмъ, что включаетъ въ себя все человѣчество. И если обычная душевная жизнь есть, такъ сказать, функція личности, такъ какъ главное ея содержаніе опредѣляется личными замыслами и потребностями, то новая жизнь уже не имѣетъ въ себѣ чертъ личности, такъ какъ ея содержаніе составляетъ общее благо, общее добро. Субъектомъ этихъ новыхъ переживаній уже